

Религия, насилие и «священные войны»

Ганс Кюнг*

Ганс Кюнг – почетный профессор Института экуменических исследований Тюбингенского университета. Во время II Ватиканского собора он выступал в качестве консультанта по вопросам теологии. Он также является автором таких книг, как *Theology for the Third Millennium; Christianity and the World Religions; Global Responsibility Judaism; Christianity; Islam*. Его исследования в области мировых религий привели к созданию Фонда глобальной этики, который Ганс Кюнг возглавляет с 1995 г.

Краткое содержание

Автор рассматривает проблему влияния религии на конфликты, происходящие в современном мире, уделяя основное монотеистическим религиям, а именно, иудаизму, христианству и исламу, в адрес которых в последнее время звучат обвинения в том, что в них содержится потенциальное одобрение искушения искать силовое решение проблем. В анализе указанного обвинения автор исходит из концепции «священной войны» в этих трех религиях. В заключение он указывает на преимущества миролюбия и подчеркивает, что в двадцать первом веке нельзя рассматривать войны как «справедливые», «священные» или «чистые». Абсолютный пацифизм же становится не только невозможным с политической точки зре-

* Настоящая статья основана на книге того же автора, посвященной исламу (*Der Islam. Geschichte, Gegenwart, Zukunft*, Piper Verlag GmbH, München 2004, в частности, стр. 688–719). А также на книге *Judaism*, SCM Press London, 1992 и *Christianity, Its Essence and History*, SCM Press London, 1995. Указанная книга является частью трехтомного исследования, посвященного монотеистическим религиям. Она готовится к печати в издательстве Oneworld, Oxford.

ния, но и безответственным, в случае использования его как политического принципа

В последние десятилетия в разных частях света значительно возросло количество вооруженных конфликтов, в которых религия, а часто и национальная принадлежность, играют существенную роль: это Северная Ирландия, Балканы, Шри-Ланка, Индия, Нигерия... Так что не только в связи с исламским терроризмом вновь встает вопрос о том, не поощряет ли религия применение насилия вместо того, чтобы способствовать его преодолению, и не служит ли религия скорее источником, нежели решением проблемы насилия. Поэтому в данной статье я бы хотел, в частности, рассмотреть следующий вопрос: какую позицию в отношении насилия, используемого в репрессивных целях (в противовес законному, политическому насилию), занимают «пророческие» религии – иудаизм, христианство и ислам. Сегодня все эти три религии в силу их «монотеизма» обвиняются в том, что они более склонны к применению силы, нежели «политеистические» или «нетеистические» религии (такие как буддизм).

Имеют ли монотеистические религии особенную склонность к применению силы?

Может быть, насилие – в том или ином аспекте – неотъемлемая часть всякой религии, и, поклоняясь единому богу, монотеистические религии особенно нетерпимы, не склонны к миролюбию и готовы к применению силы? Ряд христианских богословов приписывают некоторым не имеющим отношения к церкви интеллектуалам резко анти-монотеистическую позицию. Похоже, что подобные богословы недооценивают то, в какой степени антирелигиозное чувство подогревается самими представителями церкви, которые именем Бога лицемерно применяют к обществу высокие моральные требования, не решив проблем на своих собственных задворках. Порой неслыханно анти-монотеистические настроения высказываются догматиками христианства, стремящихся найти опору для своих рассуждений в защиту Троицы и приводящих спорные доводы против веры евреев, христиан и мусульман в единого Бога, который, предположительно, виновен в масштабных проявлениях нетерпимости и раздорах. Разве крестовые походы не велись именем Христа, а ведьмы, еретики и евреи не сжигались заживо на костре именно во славу «Святой Троицы»?

Давайте начнем рассмотрение проблемы религии и войны¹ с однозначного признания, что с момента появления человека появились религии, и что насилие сопровождало человека на протяжении всей истории его существования. В человеческом сообществе, выросшем из животного царства, никогда не было такого райского состояния, в котором не было бы места насилию. Миф о чистом и миролюбивом «благородном дикаре», которому при изучении абсолютно мирных, как ей казалось, жителей острова Самоа отдала дань даже такой известный культурантрополог, как Маргарет Мид, давно разоблачен как порождение оптимистично настроенной эпохи Просвещения.

Сегодня даже христианские философы, занимающиеся вопросами этики, признают, что конкретные этические нормы, ценности и оценки формировались в условиях чрезвычайно сложного процесса общественного развития. Там, где возникали человеческие потребности и выстраивалась система приоритетов, возникала необходимость регулирования человеческого поведения. Именно здесь лежат истоки общественной культуры. В течение жизни многих поколений человеку приходилось испытывать эти моральные нормы, чтобы решить, действительно ли они столь хороши, включая уважение к жизни другого человека и отказ от убийства человека на основе низменных побуждений. Однако война существовала с незапамятных времен, прежде всего, для достижения власти («маны») и славы, которые, как считалось, она приносит, а также для восстановления якобы нарушенного божественного порядка.

«Священная» война понимается как война агрессивная, ведущаяся во имя некоей миссионерской цели под водительством того или иного божества. Не столь уж важно, ведется такая война во имя одного или нескольких богов. Тем не менее, было бы неверным причислять все войны, которые велись на протяжении последних веков «христианами», к войнам с религиозной подоплекой. Бесчисленные убийства белыми колонистами индейцев в Латинской и Северной Америке и аборигенов в Австралии, убийство немецкими колониальными властями десятков тысяч гереро в Намибии, расстрел британскими солдатами огромного количества участников демонстраций протеста в Индии, убийство израильскими солдатами сотен мирных граждан в Ливане и Палестине и турецкими войсками – сотен тысяч армян никак не могут быть поставлены в вину тем, кто верит в единого Бога. Од-

1 Обзор большого количества сравнительно-богословских исследований по проблеме войны можно найти в статье: P. Gerlitz, «Krieg I (Religionsgeschichtlich)» in *Theologische Realenzyklopädie*, Vol. 20, 1990, de Gruyter, Berlin.

нако давайте разберемся поподробнее, какие из войн с религиозной подоплекой имеют основания в трех пророческих религиях.

Священная война Яхве?

Когда уже обретенные моральные нормы (например, в законах Хаммурапи в Древнем Вавилоне, 18 – 17 вв. до нашей эры) попали в ведение одного бога и стали восприниматься как божественное установление например, Декалог (от греческого *deka logoi*, «десять слов» – или Десять Заповедей² – развитие культуры перешло в новую фазу. Практически все исследователи Ветхого Завета сходятся в том, что в эпоху Царств в Израиле все еще был распространен политеизм, и что сначала практиковалась монолатрия: из большого количества имевшихся богов в Израиле только Яхве почитался как единый Бог, хотя не отрицалось существование и других богов у других народов. Строгий монотеизм, полностью отрицающий существование других богов, появился лишь во времена Вавилонского пленения, в более поздних главах Второзакония и Книге пророка Исайи, то есть во времена теократии, когда все тексты писались с начала до конца исключительно в духе монотеизма³.

Если говорить о проблеме религии и насилия, это означает, что насилие присутствовало в мире задолго до относительно позднего пришествия монотеизма, и у нас нет доказательств того, что в результате склонность к применению насилия возросла. В те времена, когда одно политеистическое иностранное владычество сменяло другое, Израиль в любом случае скорее страдал от насилия, чем прибегал к нему сам.

Однако для древнееврейской Библии характерна убежденность в том, что сила стихийных бедствий, как и насилие, чинимое человеком, лишь отличительная черта земной жизни, и что силы зла можно сдерживать лишь на какое-то время. Поэтому в ней приводятся откровенные описания подобных событий, в то время как в других древних культурах – об этом много писал Рене Жиран⁴ – они замалчивались, упоминались лишь косвенно, им находилось оправдание, они восславлялись в мифах и легендах. Библия постоянно обращается к во-

2 См. Исх. 20: 1-17; Втор. 5: 6-21. Библейские тексты цитируются по «Библии или Книге Священного Писания Ветхого и Нового Завета» в синодальном переводе. Judson Press® Valley Forge.

3 См. H. Küng, *Judaism*, Ch. 1-A II, 5: «The establishment of monotheism».

4 R. Girard, *La violence et le sacré*, Paris 1972 (in German: *Das Heilige und die Gewalt*, Zurich, 1987), and *Le bouc émissaire*, Paris, 1982 (in German *Der Sündenbock*, Zurich, 1988).

просу насилия и показывает человеку его склонную к насилию природу, начиная от убийства, исключительно из соперничества, Каином своего брата Авеля⁵, от антивоенных проповедей пророков и заканчивая откровениями Самого Яхве о мире, установившемся между народами, о чем говорится в книгах пророков Михея и Исаяи⁶, о мире без насилия в конце времен, когда мечи перекуют на орала – манифест для сегодняшнего движения за мир, включая движение за мир в Израиле.

Тексты, описывающие давние акты насилия, часто создавались уже сотни лет спустя, и подтвердить их историческую достоверность практически невозможно, хотя именно это до сих пор не позволяет использовать их в политических целях (в ближневосточном конфликте). Война Яхве⁷ – о которой идет речь в связи с созданием Израиля и Иудеи, и которая, вероятно, была скорее постепенным проникновением или внутренним преобразованием Палестины, чем военным завоеванием⁸ – это историческое толкование, появившееся примерно пять веков спустя и ставшее, как можно предположить, актом контр-пропаганды против ужаса, внушаемого Ассирией. Свидетельство об истреблении населения целого города как жертвенного приношения Богу находим в притче о царе Моавитском (IX век до н.э.), однако оно относится к моавитам, а не израильтянам. В Ветхом Завете не содержится ни единого текста, в котором можно было бы найти достоверную информацию о жертвоприношении со стороны израильтян в тот или иной период израильской истории⁹. Вероятность того, что Израиль также мог поступать таким образом, вряд ли можно исключить, но совершенно понятно, что подобные действия были характерны не только для Израиля, в отношении которого можно было бы предположить большую склонность к проявлению насилия в связи с монотеизмом¹⁰. Насколько исторически достоверны тексты – также записанные лишь сотни лет спустя, – повествующие о героических деяниях легендарного пророка Илии, который будучи беспощадным защитником религии Яхве, как говорят, истребил всех пророков Ваала и Аше-

5 Быт. 4.

6 Ис. 2:4; Мих.4:1-3.

7 Втор. 1-3 и Книга Иисуса Навина.

8 См. обзор различных попыток преобразований в Н. Küng, *Das Judentum*, Ch. 1-C I, 1: «Die Landnahme».

9 См. N. Lohfink, Art. ^aeraem (Vernichtungsweihe), in *Theologisches Wörterbuch zum Alten Testament*, Vol. III, Stuttgart, 1982, Col. 192-213; col. 206.

10 См. J.A. Soggin, «Krieg II (Altes Testament)» in *Theologische Realenzyklopädie*, Vol. 20, 1990, de Gruyter, Berlin.

ры¹¹. В любом случае, это также не может рассматриваться в качестве довода против монотеизма израильтян, поскольку все пророки Израиля, за исключением Илии, были к этому времени истреблены во имя бога Ваала и его пантеона.

Сказания о войнах и актах насилия необходимо рассматривать в контексте древнееврейской Библии. Повествуя о создании человека, библейская история ставит задачу не столько рассказать об идиллии жизни первого человека в саду Эдема, сколько показать жизнь человека как такового: в древнееврейской Библии Адам не является первым евреем или первым христианином, и уж конечно, он не первый мусульманин (по крайней мере, если мусульманин в целях упрощения не приравнивается к человеку, исповедующему монотеизм). Термин *adam* обозначает просто человека: человека, созданного по образу Божию¹². В соответствии с рассказом-предупреждением об убийстве Каином его брата Авеля, древняя история человечества достигает своего апогея в повествовании о Потопе, которое, в отличие от всех остальных текстов, относящихся к Израилю, основное внимание уделяет теме насилия: «И воззрел [Господь] Бог на землю, и вот, она растленна, ибо всякая плоть извратила путь свой на земле», а потому обречена на истребление¹³. Лишь одного праведного человека – Ноя и его семью – пощадил Бог, дав человечеству возможность начать все сначала под знаком радуги, охватившей всю землю, которая стала символом завета, данного Богом человеку и, собственно, всему существу.

Далее Бог защищает человеческую жизнь, наказывая за насильственные действия: «ибо человек создан по образу Божию»¹⁴. Предполагается, что свод норм этики соответствует завету, данному Богом человеку – это минимум норм поведения, основанных на уважении жизни (богослов и врач Альберт Швейцер считал, что эти нормы составляют основу этики вообще), а именно, не убий, не ешь плоти живых животных. Позже на основе этих норм этики раввинский иудаизм сформулирует семь законов Ноя, которые наряду с убийством и жестокостью по отношению к животным запрещают воровство, прелюбодеяние, идолопоклонничество и богохульство, а также включают заповедь об отправлении правосудия (создании судов)¹⁵. Перечисленные правила составляют универсальный кодекс поведения, который

11 3 (Цар.) 18-19.

12 Быт. 1: 26-28.

13 Быт. 6: 11-13.

14 Быт. 9: 6.

15 См. А. Lichtenstein, *The Seven Laws of Noah*, New York 1995.

изначально предназначался лишь для евреев, а потом и для всех остальных¹⁶.

Так оправдано ли отрицательное отношение к монотеизму? Нет, потому что вера евреев, христиан и мусульман в единого Бога противоречит всем квази- или псевдорелигиям, которые абсолютизируют относительные ценности. По сей день она заявляет о категорическом неприятии любого обожествления сил природы и мирских ценностей, которые фактически становятся предметом поклонения и которым люди приносят любые жертвы, на которые принято возлагать надежды и бояться более всего на свете – прибыть, секс, власть, спорт или наука, народ, церковь, партия, вождь или папа, которые современный человек почитает как «божество». Попытка сверхчеловека, алчущего власти, например, Сталина или Гитлера, заменить веру в Бога верой в социалистическое общество или германскую расу и в конечном итоге добиться обожествления своей личности, стоила миллионы человеческих жизней. Как точно указывает Мартин Лютер, «... только уверенность и вера сердца воздвигают как Бога, так и идола. ... Итак, я утверждаю, что то, чему вы отдаете свое сердце, и на что вы возлагаете свое упование, является, по существу, вашим богом»¹⁷.

Вера в единого Бога дает евреям, христианам и мусульманам невысшую степень свободы от любых ограничений духовного порядка: обязательства перед одним действительно абсолютным Богом освобождает человека от всего того, что является относительным, и что уже не станет для него идолом. Соответственно, сегодня, при переходе к постмодернистскому обществу, нет нужды в приправленном мифологией возврате к божествам. Что нам *действительно* нужно, так это не выдумывание новых мифов, а возврат к истинному единому Богу, который, подобно Богу евреев, христиан и мусульман, не потерпит рядом с собой никаких фальшивых божеств. В этом основа человеческой терпимости, потому что Бог – это единый Бог для всех и каждого, все люди, даже те, кто не является евреем, христианином или мусульманином, созданы по Его подобию и поэтому заслуживает уважения его (ее) достоинства. Но какова позиция христианства по отношению к насилию и войне?

16 Также о роли Законов Ноя в создании универсальных моральных норм, определяющих поведение человека, см. также: К.-J. Kuschel, *Streit um Abraham*, Düsseldorf, 2002, pp. 224 f.

17 M. Luther, *The Large Catechism*, The First Commandment, 1st para. Translated from German, *Großer Katechismus*, by F. Bente and W.H.T. Dau. (Цит по: «Большой катехизис» Первая заповедь. Доктор Мартин Лютер. www.svitlo.net/bibloteka/luter/bkateh00.htm).

Насилие под знаком креста

После того как во времена Древне-Римской империи христианство стало государственной религией, и в греческих областях (восточных провинциях империи и Византии), и в латинских (западных провинциях и Священной Римской Империи, образовавшейся во времена Карла Великого) стала практически неизбежной помощью, поддержка и содействие между государством и церковью с использованием имеющихся в их распоряжении рычагов власти, невзирая на проявившееся вскоре соперничество. В связи с размыванием границ между сферой интересов духовной и светской власти, светские правители чувствовали себя защитниками церкви, а духовные власти на всех уровнях зачастую легитимизировали и вдохновляли их. Экспансия светской власти всегда приводила к экспансии церкви, точно так же как миссионерская деятельность церкви вела к экспансии светской власти. Национальное и церковное право дополняли друг друга. Духовные нормы направляли гражданскую жизнь, а гражданские власти наказывали за нарушение нравственных и религиозных норм. Таким образом светская и духовная власть оказывали друг другу взаимную поддержку. Однако насилие, чинимое светскими властями, неизбежно бросало мрачную тень на христианство, поскольку церковь часто принимала активное участие в насильственных действиях и кампаниях, совершенно несовместимых с мирным и ненасильственным характером ее основателя. Какие неблагоприятные деяния не только допускались, но и оправдывались именем Христа?

Однако совершенно нельзя считать неизбежным, что крест назаретцев (которых римляне предавали смерти и которым хладнокровный, но суеверный Константин, человек действия, приписал решающую роль в победе над своим соперником Максенцием в битве на Мульвийском мосту в 312 г.) стал все чаще использоваться как боевая награда, символизирующая одобрение со стороны христианской религии самых кровавых и ужасных жестокостей. Даже первые годы существования этой христианской империи характеризуются жестокими битвами как с внешними, так и внутренними врагами: почти тридцатилетняя война против саксонских варваров, которую вел первый христианский император, король франков Карл Великий, сопровождалась тысячами казней и депортаций. Обычной практикой церкви мучеников стали казни еретиков и приверженцев других религий, а позднее – евреев и вельдм.

В период классического средневековья «священные войны» велись одной воинственной церковью. Хотя православные церкви Восточной Европы также принимали участие в большей частью воен-

но-политических конфликтах светских властей и часто их благословляла и даже вдохновляла, одна лишь римско-католическая церковь Западной Европы восприняла учение (Августина) о законности использования силы для достижения духовных целей, а в конце концов санкционировала применение силы для распространения христианства. В отличие от традиций раннего христианства, войны велись для обращения язычников, распространения Евангелия и борьбы с ересью. Крестовые походы же ознаменовали собой полный отход от истинного значения креста.

Собственно, наивысшие иерархи церкви, папа Урбан II и Бернар Клервосский, влиятельный проповедник, мистик и основатель религиозного ордена, объявили войну во имя Иисуса Христа, чтобы вырвать «святую землю» из рук «неверных» мусульман. Крестовые походы считались делом, общим для всех христиан (Западной Европы). Считалось, что они получили одобрение Самого Христа, поскольку рассказывали, что папа, выступающий от имени Христа на земле, лично призывал людей взяться за оружие. Наконец, Иннокентий III, который инициировал Четвертый крестовый поход (во время которого Константинополь был захвачен и разграблен, а его население истреблено во имя утверждения главенства Рима), первым объявил Крестовый поход на западе против братьев-христиан, что привело к жестоким альбигойским войнам, в течение двух столетий не утихавшим на юге Франции, когда действия обеих сторон характеризовались звериной жестокостью и была истреблена значительная часть населения.

Даже в те времена многие задавались вопросом, позволил бы Иисус, который произнес Нагорную проповедь и призывал отказаться от насилия и возмездия и возлюбить врага своего, проводить военные кампании подобного рода и не искажается ли таким образом целиком и полностью смысл Назарейского креста, ибо вместо того чтобы вдохновлять христиан денно и нощно в буквальном смысле слова нести крест свой, он украшал одежду крестоносцев, придавая законность их кровавым войнам. В средневековом христианстве «мир от Бога» – мера, применявшаяся для ограничения насилия, носил местный и временный характер, так же как предоставление убежища гонимым. В протестантизме, по крайней мере, у меннонитов, братьев и особенно квакеров (в «исторических мирных церквях») в качестве альтернативы традиционной легитимизации насилия, практикуемой национальными и народными церквями, предлагается Свободная церковь.

Священные войны ислама?

Христиане также уже могли прийти к заключению, что арабское слово «джихад» не сводится к сочетанию «священная война»¹⁸, а включает в себя целый круг понятий. Прежде всего, оно означает просто «усилие» и во многих местах Корана понимается как нравственная борьба с самим собой на пути обретения Бога: «И усердствуйте об Аллахе достойным для него усердием! Он избрал вас»¹⁹. Сочетание слов «священный» и «война» в Коране не встречается; по мусульманским понятиям, война никогда не может быть «священной».

Однако в других текстах слово «джихад» понимается как настоящая борьба или битва в смысле спора военного характера: «Вы веруете в Аллаха Его посланника, боретесь на пути Аллаха своим имуществом и своими душами»²⁰. Слово «джихад», «принимать на себя обязательства» своим имуществом и своими душами, здесь означает сражаться, «вести войну», вознаграждением за что обещается допуск в рай. «Он... введет вас в сады, где внизу текут реки, и в жилища благие в садах вечности. Это – великая прибыль»²¹. Подобные стихи можно встретить и в других частях Корана: «О пророк! Борись с неверными и лицемерами и будь жесток к ним. Их убежище – геенна, и скверно это возвращение!»²²

Одно становится ясным сразу: последователи Христа придерживаются принципа отказа от насилия в соответствии с его учением, поведением и судьбой своего Мессии, последователи же Пророка Мухаммеда обязаны при необходимости сразу же приступать к разрешению споров военного характера, когда возможно применение насилия. Война как политическое средство принимается, ведется и в большинстве случаев выигрывается. Поэтому вряд ли можно отрицать, что с самого своего возникновения ислам является воинствующим учением, даже если призыв к битве сначала относится к политеистическим жителям Мекки и арабским племенам, настроенным враждебно по отношению к мусульманам, и, соответственно, к совершенно определенной исторической ситуации, угрожающей существованию вновь возникшего мусульманского сообщества.

18 По поводу понятий «священная война» и «джихад» см.: A.Nothe, *Heiliger Krieg und beiliger Kampf im Islam und Christentum*, Bonn, 1966; R. Peters, *Islam and Colonialism: the Doctrine of Jibad in Modern History*, The Hague, 1980; W.M. Watt, A.T. Welch, *Der Islam I: Mohammed und die Frühzeit – Islamisches Recht – Religiöses Leben*, Stuttgart, 1980, esp. p. 150 ff.; J.C. Bürgel, *Allmacht und Mächtigkeit: Religion und Welt im Islam*, Munich, 1991, esp. p. 80 f.; W. Ende, U. Steinbach (eds.), *Der Islam in der Gegenwart: Entwicklung und Ausbreitung – Staat, Politik und Recht – Kultur und Religion*, Munich, 1996, pp. 279 – 282.

19 Сура 22:77(78). Коран. Перевод И.Ю. Крачковского, Уфа, Башкирское книжное издательство, 1991 г.

20 Сура 61:11(11).

21 Сура 61:12.

22 Сура 9:74(73).

Тем не менее, следует подчеркнуть, что пророк – например, при заключении мирного договора с жителями Мекки, христианами и остатками еврейских племен – проявил не только готовность сражаться, но и готовность заключить мир, что статус «эимми» для лиц, подлежащих защите, подразумевал значительно большую степень терпимости, чем это было принято у христиан. Согласно Корану, в «запретные месяцы» война не ведется²³, и в принципе, запрещается сражаться у «запретной мечети». У мечети нельзя сражаться ни с кем, кроме как с неверными²⁴.

Если посмотреть хадиты, которые можно назвать жизнеописанием Пророка, становится понятным объяснение, даваемое современными авторами Ислама²⁵: в сурах, где идет речь о Мекке, под «джихадом» изначально понималась не «война», а «усилие», творимое при выдвигании аргументов, и вооруженная борьба, которая в тот момент была в любом случае безнадежна, не разрешалась. Однако в сурах, посвященных Медине, Мохаммед впервые получает откровения, где ему разрешается вести вооруженную борьбу против идолопоклонников Мекки. Таким образом, джихад становится долгом защищать себя. В других откровениях джихад еще более ясно обозначает вооруженную религиозную борьбу против неверных.

Однако нельзя согласиться с аргументом, часто приводимым мусульманами, чтобы пояснить, что джихад относится исключительно к войне, ведущейся в целях самообороны, что можно видеть уже в свидетельствах исламских летописцев, подтверждающих огромное политическое и военное значение джихада. Действительно, трудно представить себе более эффективную мотивацию для начала борьбы / битвы (часто обозначаемой однозначным термином «китал», что значит «вооруженная борьба») против «неверных», чем защита учения Самого Всевышнего. Заслуживающая всяческого одобрения битва, что объявляется долгом в самом Коране. Этот долг побуждал к действию, в основном, преданных воинов, представляющих различные племена, и их вождей, под началом которых они воевали на Аравийском полуострове и за его пределами в первых войнах о расширении территорий, и уже в меньшей степени – во времена халифата Умаяд, когда войны за расширение империи стратегически планировались и велись на отдаленных территориях при помощи многочисленных войск, состо-

23 Сура 9:5(5).

24 Сура 2:186(190)-189(193).

25 Например, A. el Kalim Ragab (lecturing in Bamberg and Cairo), «Die Lehre vom 'jihād' im Islam: Eine kritische Diskussion der Quellen und aktueller Entwicklungen», in A.Renz, S. Leimgruber (eds.), *Lernprozeß Christen Muslime*, Münster, 2002, pp. 57-88.

ящих из неарабского населения и их вождей. При аббасидах арабы все в большей степени предоставляли заниматься войной туркам, в результате, когда халифат пришел в упадок, турки (совместно с моголами в Индии) унаследовали исламскую империю и в свою очередь использовали джихад как легитимный повод для ведения кампаний по покорению Балкан и Индии.

Еще во время войны Мохаммеда против исповедовавших язычество жителей Мекки и первых завоеваний встал вопрос о понятии «войны» в исламе. В результате этих споров впоследствии возникла классическая доктрина джихада, принимающая в учет Коран и Сунну. В шариате джихаду и всем сопутствующим ему условиям уделяется большое количество глав²⁶. Как это понятие следует оценивать сегодня и какие здесь перспективы на будущее?

Религия ислама – религия войны

Заявив это, следует сказать, что утверждение, что ислам распространяется «огнем и мечом», неверно. Первой целью ранних завоеваний являлось расширение территории исламского государства, а не обращать население в ислам. Схематическое представление о мире, разделенном на две части, «Дом ислама» (дар аль-ислам) и «Дом войны» (дар аль-харб), возникло позже, с дальнейшим развитием исламского права. Подобное разделение мира на территорию, где мусульманский правитель обеспечивает соблюдение норм веры и права, и территорию, которая окружает исламский мир и является поводом для грабежа и завоеваний, вряд ли способствовало миру, поскольку создавалось впечатление, что целью всякого правоверного мусульманина должно быть обращение в ислам всего неисламского мира, неизбежным следствием чего стала бы нескончаемая череда религиозных войн.

Тем не менее, поскольку поддерживать постоянное состояние войны оказалось невозможным, посчитали достаточным, если правитель будет осуществлять, по крайней мере, одну военную экспедицию в год для грабежа и охоты за невольниками. Населению, против которого велся джихад, предписывалось обращаться в ислам. Если оно сдавалось, оно могло получить статус «покровительствуемых лиц». В противном случае при определенных обстоятельствах завоевание могло закончиться их обращением в рабство, а их имущество – оказаться в руках у победителя в качестве военного трофея. Исламский мир пре-

26 См. R.Peters, *Jihad in Medieval and Modern Islam*, Leiden, 1977, а также его статью «Jihād», in *The Oxford Encyclopedia of the Modern Islamic World*, Vol. 2, 1995, pp. 369–373.

вратился в государство, включающее представителей разных рас, е только благодаря завоеваниям, но и в результате захвата или приобретения невольников в заморских землях²⁷. Не постоянная ли угроза войны и обращение с побежденным христианским населением – помимо иных причин – объясняют то, почему такое небольшое количество христианского населения осталось жить в тех районах Ближнего Востока и Северной Африки, где зародилось христианство?

Во время широкомасштабных исламских завоеваний доктрина джихада почти превратилась в шестой столп ислама. В отличие от христианства, в исламе было возможно стать «свидетелем» (греч. *martyrs*) – понятие, которое можно обнаружить в арабском языке в значении «мученик» (шахид) – не только пассивно страдая за веру, но и активно за нее сражаясь. Любой человек, таким образом отдавший свою жизнь, попадает сразу в рай: «А когда вы встретите тех, которые не уверовали, то – удар мечом по шее (...) А у тех, которые убиты на пути Аллаха, – никогда Он не собьет с пути их деяний... Он поведет их и сохранит в порядке их состояние и введет их в рай, который Он дал им узнать»²⁸.

Однако в современную эпоху, под давлением европейского колониализма от джихада отходили все дальше и дальше. Хотя султан Оттоманской империи Султан V уже 23 ноября 1914 г. призвал свой народ начать джихад против входящих в Антанту стран, и хотя даже сегодня джихад объявляется в связи с теми или иными обстоятельствами, многие умеренные представители современного ислама вернулись к исходному значению термина «джихад» – усилия по нравственному совершенствованию. Еще в начале XVIII в. в доктрине суфизма проводилось различие между «ограниченной интервенцией» в виде вооруженной борьбы против внешнего противника и «крупномасштабной интервенцией», состоящей в преодолении себя и претворении в жизнь более высоких моральных ценностей. Какую же форму джихад будет иметь в будущем?

27 По этому вопросу см.: J.C. Bürgel, «Der Islam und die Menschenrechte» in R. Kley, S. Möckli (eds.), *Geisteswissenschaftliche der Politik: Festschrift für Alois Riklin zum 65. Geburtstag*, Bern, 2000, pp. 31-60, где он ссылается на работу: Hans Müller, *Die Kunst des Sklavenkaufs nach arabischen, persischen und türkischen Ratgebern vom 10. bis zum 18. Jahrhundert*, Freiburg/Br., 1980. В своей книге (*Allmacht und Mächtigkeit* – см. выше, примечание 18) Бюргель объясняет различные явления и процессы культурной истории ислама, помещая их в контекст стремления религии к власти и конфликта, возникающего между нею и противодействующими светскими силами, которые подлежат покорению.

28 Сура 47:4(4)-7(6).

Более радикальная концепция джихада?

В XX в. концепция джихада получила новые политические толкования. Современные фундаменталисты смогли опереться не только на исследования правоведов, но и на труды консервативных богословов, в частности, труды приверженца школы ханбали Ибн Таймийи, который таким образом приобрел статус духовного отца радикальных исламистов. В своих фатвах (религиозных посланиях, основанных на религиозном праве) Ибн Таймия рассматривал положение мусульман, завоеванных татаро-монголами. Последних он считал неверными и полагал, что так с ними и должно обращаться, поскольку они называют себя мусульманами, но не следуют шариату. Таким образом, идеологам радикального ислама в XX веке уже не ограничивать джихад борьбой за свободу с внешним врагом – колониализмом, но распространить его и на внутреннего врага – своих собственных ориентированных на Запад правителей-диктаторов, якобы отказавшихся от ислама. Более того, термин джихад легко используется в политических целях. Подобно военному термину «кампания», он может быть интерпретирован самым различным образом, как этого требуют обстоятельства. Он может означать борьбу против отсталости, борьбу с туризмом, борьбу с экономическими реформами и даже с убийством либерально настроенных политиков, писателей и журналистов.

Начиная с 1970-х годов радикализация концепции джихада отмечается среди экстремистских группировок, члены которых немногочисленны, но отличаются высокой убежденностью. Под влиянием египтянина Умара Абд ар-Рахмана и палестинца Абдаллы Ассама, идеолога движения Хамас (которое Израиль изначально поддерживал против Ясира Арафата) ряд группировок решили объявить джихад вооруженной борьбой в ответ на продолжающуюся оккупацию Палестины и бездействие со стороны многих арабских стран. Одна из таких террористических группировок ответственна за убийство в 1981 г. египетского президента Анвара Садата после того, как тот выступил с мирной инициативой в Иерусалиме. Другая похожая группировка совместно с Хамас взяла на себя ответственность за взрывы террористов-самоубийц в Израиле. Серьезную обеспокоенность вызывает то, что подобные радикальные группировки постоянно вербуют себе новых сторонников среди тех, кто потерял надежду в связи с катастрофическим положением палестинского народа, бедностью и страданиями народа в арабских странах, бездушием и угнетением со стороны элиты многих мусульманских государств, но не в последнюю очередь и в связи с теми социальными благами, которыми такие группировки обеспечивают беднейшие слои населения.

Однако после 11 сентября 2001 г. катастрофически неоднозначная роль, которую играет Саудовская Аравия, самый серьезный союзник Америки на Ближнем Востоке, становится все более очевидной (деловые связи, существовавшие между семьями Буша и Бен Ладена) – не только в плане экспорта нефти, но и в экспорте терроризма. Ядро Аль-Каиды (по-арабски – «основание», «фундамент»), сгруппировавшееся вокруг фигуры Усамы Бен Ладена, состоит из граждан Саудовской Аравии, восставших против королевской семьи, которая терпит продолжающееся присутствие американских солдат (30 тыс. человек), одновременно финансируя радикальные ваххабистские группировки в соседних арабских странах и во всем мире. То, что ваххабизм способствует росту нетерпимости и ксенофобии, как в Саудовской Аравии, так и в исламском мире в целом, уже более нельзя игнорировать.

Для того чтобы справиться с внутренними причинами, вызывающими «болезнь» фундаментализма в исламе, которая, в частности, проявляется в виде ваххабизма, тунисский писатель А. Меддеб предлагает действовать на трех уровнях: это традиция, право и образование. Во-первых, необходимо вспомнить бесчисленные споры и противоречия, существовавшие в исламской традиции, чтобы начать ее критическое осмысление, свободное и плюралистичное. Во-вторых, в тех случаях, когда нормы представляются негуманными, следует искать дефекты в традициях прошлого, чтобы сделать право более гуманным и созвучным нашему времени. В третьих, все, что относится к фундаментализму, должно быть убрано из школьных программ: «Ваххабизм, явление по природе своей нечеткое, проникает сознание благодаря тому, что преподается в школе и распространяется телевидением»²⁹.

Однако американцам, израильтянам и европейцам тоже могли бы заметить, во всяком случае, после начала войны в Ираке, что терроризм не остановить военной операцией, особенно потому, что террористов-самоубийц и относительно безобидных участников протестных действий, забрасывающих противника камнями, не запугать никаким количеством военной техники. Вместо этого следует выкорчевывать зло, называемое терроризмом, целиком и полностью, и астрономические суммы, ранее тратившиеся на вооружения как на Западе, так и в арабских странах, должны быть вложены в социальные реформы, помня при этом не только о крайностях насилия, в которые впадает исламский экстремизм, но и, прежде всего, о возможностях мира, занимающего центральное место в исламе.

29 А. Meddeb, *La Maladie de l'Islam*, Paris, 2002 (in German: *Die Krankheit des Islam*, Heidelberg, 2002, p. 247).

Религиозное толкование духа мира

В наше время, когда, в отличие от античности и средневековья, человечество обладает новыми техническими средствами самоуничтожения, все религии, особенно три столь часто проявляющие агрессию пророческие религии, должны делать все возможное, чтобы избежать войны и укрепить мир. Для этого требуется новое прочтение и новая, тонкая интерпретация каждой из этих религий своих собственных традиций. Очевидна важность современного понимания Корана: содержащиеся в нем высказывания относительно войны не должны восприниматься некритично, в качестве догм или жестких правовых норм. К ним следует относиться критически, с учетом отражаемого ими исторического контекста. Их следует перенести из той эпохи в современный мир. Для того чтобы добиться религиозной интерпретации в духе мира, может быть принят двоякий подход.

Во-первых, воинственные высказывания и события, о которых идет речь в той или иной традиции, должны истолковываться в рамках того конкретного исторического контекста, в котором они происходили, однако без какой-либо лакировки. Сказанное применимо к трем религиям:

- жестокие «войны Яхве» и безжалостные псалмы, взывающие к мести, в древнееврейской Библии следует понимать в контексте захвата земель и последующей самообороны против более могущественного противника;
- христианские миссионерские войны и крестовые походы возникли в рамках церковной идеологии раннего и классического средневековья;
- призывы Корана к войне отражают конкретную ситуацию жизни Пророка в мединский период и особенности сур, относящихся к Медине. Те самые призывы сражаться против исповедовавших политеизм жителей Мекки не могут сегодня использоваться в качестве принципа, оправдывающего применение силы.

Во-вторых, слова и дела, служащие укреплению мира в данной религиозной традиции, должны восприниматься серьезно, как источник вдохновения в наше время. Самым легким этот процесс будет для христиан, поскольку их церковь берет начало не от воинственных пророков и героев, подобных Моисею и Илие или агрессивных царей, подобных Давиду, а от проповедника ненасилия и церкви периода раннего христианства, которая, по крайней мере, сначала, в древнеримский период, распространялась не с помощью насилия, а через послание справедливости, любви и обещание вечной жизни. Вначале христианам запрещалась не только военная служба, но и работа мяс-

ником. Мусульманин, защищающий насилие и войну, может, вероятно, сослаться на Коран и слова и деяния Пророка. Христианин, прибегающий к насилию и ведущий войну, не может сослаться на Христа для оправдания своих действий.

Однако угроза миру на Земле неизбежно ставит сложные вопросы практического характера, на которые нелегко найти ответ. Помимо необходимости религиозного толкования в духе мира, необходимо также обучать мирным действиям и их придерживаться.

Обучение миру

Многие христиане и не предполагают, что лишь незначительное количество стихов Корана посвящено войне и насилию, и что слова «милосердие» и «мир» встречаются там значительно чаще, чем «джихад». В соответствии с Кораном, Всевышний – не бог войны (это не Его имя!). Напротив, как гласят первые слова открывающей Книгу суры (которые мусульмане произносят перед началом каждой молитвы и речи), Он «милостивый, милосердный». Среди Его 99 имен есть такие мирные, как «Мягкий», «Кроткий», «Любящий», «Прощающий».

Более того, «ислам» – подчинение, покорность, которые человек должен проявлять по отношению к Всевышнему, этимологически происходит от того же самого корня, что и «мир» (salam); отсюда и мусульманское приветствие «Мир вам!» (Salam Ulaikum/Uflaika!). Господь прощающий, и те, кто прощает, следуют Его примеру³⁰. В Коране даже есть некое золотое правило: «Не равны доброе и злое. Отклоняй же тем, что лучше, и вот – тот, с которым у тебя вражда, точно он горячий друг»³¹. Добиваться мира следует прежде всего между воюющими между собой верующими. Но мир следует заключать и с врагами: «А если они склонятся к миру, то склонись и ты к нему»³².

Сегодня принципам мира необходимо обучать и отдельных людей, и целые группы, детей и родителей, улама и политиков, не забывая при этом, что:

- следует приветствовать повышение самоуважения мусульман, при условии что это не приведет к возникновению чувства самодовольства и ксенофобии (как это было когда-то со многими евреями и христианами), выливающимися во взрывы и теракты;
- следует приветствовать перенос великого джихада на преодоление внутреннего «я», при условии, что это не приведет к самоуничтоже-

30 Сура 64:14(14).

31 Сура 41:33(33) – 35(35).

32 Сура 8:63(61).

нию в политических целях, что для мусульманской традиции неприемлемо, поскольку лишь Господь может решать вопросы жизни и смерти;

- необходимо принимать активные меры по предотвращению терроризма, при условии, что они не сведутся к истерии мер безопасности, подавляющих основополагающие демократические права военнопленных и даже права собственных граждан. Террористическую сеть нельзя победить военными методами. Это можно сделать, лишь устранив условия – бесправие и угнетение больших групп населения, – в которых это явление процветает, изолируя экстремистов от подпитывающего их окружения и поддерживая движения за реформы, проповедующие ненасильственные формы борьбы³³.

В исламе содержится значительный потенциал для поддержания мира, который необходимо активизировать, учитывая события последнего времени, где 11 сентября 2001 г. занимает не последнее место. Однако призывы к миру сами по себе недостаточны. Требуется не только новое толкование источников и обучение в духе мира, с соблюдением его принципов, но и практические меры по укреплению мира.

Практические меры по укреплению мира

Для того чтобы политика была успешной, для нее должен быть разработан «способ действий». Военная политика как идеология, в которой представлены лишь интересы находящейся у власти экономической и политической элиты и которая оправдывает все средства для достижения политических целей, включая ложь, обман, политические убийства, войну и пытки, должна быть сразу же отвергнута, так же как и политика мира как идеология, которая опирается исключительно на чистоту помыслов и не принимает во внимание необходимость соблюдения политического равновесия, осуществимость и возможные негативные последствия тех или иных действий.

Искусство формулирования ответственной политики мира проявляется в соединении политических расчетов, которые, по общему признанию, избежать невозможно, и учета нравственных ограниче-

33 См.: V. Rittberger, A. Hasenclever, «Religionen in Konflikten», in H. Küng, K.-J. Kuschel (eds.), *Wissenschaft und Weltethos*, Munich, 2001, pp. 161-200; A. Hasenclever, «Geteilte Werte – Gemeinsamer Frieden? Überlegungen zur zivilisierenden Kraft von Religionen und Glaubensgemeinschaften» in: H. Küng, D. Senghaas (eds.), *Friedenspolitik: Ethische Grundlagen internationaler Beziehungen*, Munich, 2003, pp. 288-318; G. Gebhardt, *Zum Frieden bewegen: Die friedenserzieherische Tätigkeit religiöser Friedensbewegungen*, Hamburg, 1994.

ний. Какие же этические принципы должны соблюдаться при решении вопроса войны и мира, если мы хотим построить новый, более совершенный мировой порядок?³⁴

- И в XXI веке войны не стали «священными», «справедливыми» или «чистыми». Даже современные «войны Яхве» (Шарон), «крестовые походы» (Буш) и джихад (Аль-Каида), с их бесчисленными человеческими жертвами, широко-масштабным разрушением инфраструктуры и объектов культурного наследия, ущербом для окружающей среды, являются абсолютно безответственными.
- С самого начала войны не являются неизбежными: более скоординированная дипломатия, поддерживаемая эффективным контролем за вооружениями, могла бы предотвратить и войну в Бывшей Югославии, и обе Войны в Заливе.
- Аморальная политика, преследующая лишь национальные интересы – такие как запасы нефти или гегемония на Ближнем Востоке – также ведет к войне. Изучение моральной стороны вопроса после Войны в Заливе 1991 г. показало бы, что проблема заключалась не только в государствах-изгоях и чистых и непорочных демократических государствах, добре и зле, Господе и Сатане. Демонизация противника часто служит цели лишь успокоить свою собственную совесть. Например, главным образом Запад предоставлял Садаму Хусейну оружие, деньги, технологии и советников, потому что видел в нем защиту от исламского Ирана. Его поддерживали США (в лице Рамсфельда, который впоследствии стал государственным секретарем по вопросам обороны).
- Абсолютный пацифизм, считающий мир *summum bonum* (величайшим благом), которому все должно быть принесено в жертву, в политическом плане вряд ли достижим, а как политический принцип может являться даже безответственным.
- О праве на самооборону, которое недвусмысленно подтверждается в Главе 51 Устава ООН, неоднократно говорится в мусульманской традиции: «Поистине, Аллах охраняет тех, которые уверовали! (...) Дозволено тем, с которыми сражаются, за то, что они обижены...»³⁵ Особенно важным именно для мусульманского сообщества явилось то, что «Декларация глобальной этики», принятая в 1993 г. Парламентом религий мира в Чикаго, в Разделе III.1, посвященном ненасильственным действиям, обращает внимание на право на самообо-

34 Более подробно см.: H. Küng, *Weltethos für Weltpolitik und Weltwirtschaft*, München 1997, Ch. A V: «Weltfrieden – Herausforderung für die Weltreligionen».

35 См. Сура 22:39(38)-40(39).

рону. Таким образом, сохранение мира любой ценой, например, когда стране угрожает новый Холокост, является безответственным. Необходимо противостоять страдающим манией величия диктаторам, подобным Сталину, Гитлеру или Садаму. Лица, совершившие преступления против человечности, должны предстать перед Международным уголовным судом, который, будем надеяться, в соответствии с американской традицией, наконец получит поддержку администрации, пришедшей на смену правительству Джорджа Буша.

К сожалению, независимо от количества посланий мира или призывов к миру, как от светских, так и религиозных деятелей, независимо от числа превентивных мер и запретов, полностью предотвратить или ликвидировать войну не удастся. Таким образом, когда войны случаются – что всегда является свидетельством позорной неспособности человеческой цивилизации справиться с ситуацией – остается лишь одно средство: даже в таких исключительных обстоятельствах человеком должны соблюдаться минимальные основополагающие правила поведения. Международное гуманитарное право установило бесценные барьеры на пути варварства и зверства, например, нормы, содержащиеся в Женевских конвенциях, за соблюдение которых неустанно борется Красный Крест. Поэтому любые попытки ослабить это право, неважно с чьей стороны, должны решительно пресекаться международным сообществом, в соответствии с риторическим вопросом, заданным Анри Дюнаном: «... в наше время, когда так много говорится о прогрессе и культуре, и уж раз нельзя избежать войны, не важно ли стремиться предотвратить или хотя смягчить, все ее ужасы?»³⁶

36 Анри Дюнан, *Воспоминание о битве при Сольферино*, МККК, 1995 г., с. 63.